

Данная система «пищевых» мотиваций игровых терминов становится более убедительной, если рассматривать производные слов *сало* и *масло* параллельно, потому что это позволяет увидеть идентичность не только получаемых игровых значений, но и аналогичность мотивационных ходов, посредством которых они образуются. Кроме того, наличие системы игровых значений у *масла* делает более доказательным предположение о связи глагола *салить* 'ударять, пятнать' непосредственно с «пищевым» *салом* и ставит под сомнение версию о ее «народно-этимологической» природе.

О. С. Смирнова
Красноярск

К вопросу о внутренней форме диалектных полеводческих терминов

Значительное количество диалектных слов представляют собой образования с прозрачной внутренней формой. Не составляют исключения и диалектные термины – номинативные слова с ремесленно-производственным содержанием (по определению Т. С. Коготковой¹⁴).

Среди терминов полеводства выделяется группа обозначений пахотных угодий и их частей, таких, например, как *тлель* 'расчистка под пашню' [КСГРС], *длинник* 'узкая долгая полоса пашни' (вгл.) [СРНГ 8, 69], *краюха* 'крайняя полоса земли' [КСГРС].

Мотивированными оказываются полеводческие термины, возникшие в результате словообразовательной (*выпашка* 'вспаханное поле' [АОС 8, 67] < *выпахать* 'вспахать' [АОС 8, 63]) и семантической (*ловтычок* 'небольшой участок земли' [КСГРС] < *ловтычок* 'лоскут' [КСГРС]) деривации.

Наименования, появившиеся вследствие контаминационных процессов, зачастую также обладают ясной внутренней формой. Таковы, например, термины *пустоляна*, *пустовляна*, обозначающие запущенную, заброшенную пашню и возникшие в результате этимологической реинтерпретации (= народной этимологии) общенародного *пустошь*, диалектного *пустовина* 'запущенная пашня' [КСГРС], которая осуществляется под воздействием леммы *поляна* 'открытое пространство среди леса, кустарников' [ССРЛЯ 10, 1150] того же семантического поля «земля».

Прозрачную внутреннюю форму имеет и отмеченное в архангельских говорах полеводческое обозначение *житвина* 'сжатое поле'

¹⁴ См.: Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М., 1979. С. 69.

[КСГРС], появление которого оказывается возможным благодаря контаминации лексем *жнитвина* 'сжатое поле' (арх., влг.) [СРНГ 9, 212] и *жито*, обозначающей на территории Архангельской области любой зерновой хлеб¹⁵.

В то же время среди полеводческих обозначений отмечаются такие образования, мотивация которых требует пояснения. Цель настоящей статьи состоит в выявлении мотивировочного признака у терминов такого рода. К исследованию привлечены лексемы, извлеченные из карто-теки Словаря говоров Русского Севера [КСГРС] и диалектных словарей.

Утрата мотивировочного признака у слова может быть связана с изменением его фонематического состава под влиянием живых фонетических процессов. Подобное явление имеет место в полеводческом термине *мислина* 'участок пахотного поля, используемый как покос' (карг., олон.) [СРНГ 18, 176], одном из вариантов обозначения *местнина*, также отмеченном на Русском Севере в значении 'небольшой участок покоса, находящийся вне основного луга' (арх.) [СРГК 3, 227]. Возникая в результате произношения *и* на месте исконного *ѣ*, упрощения группы согласных *стн* и диссимилятивной мены *н / л*, лексема *мислина* перестает восприниматься в связи с полеводческим объектом, общим, общим по характеру землепользования, несмотря на то, что происходит от диал. *местный* 'общий, общинный' (арх., влг.) [СРНГ 18, 128].

Нередко дестимологизации термина способствуют нерегулярные фонетические явления. Так, в Кирилловском районе Вологодской области отмечен полеводческий термин *оброснь* 'участок земли, не являющийся собственностью деревни или колхоза, принадлежащий государству' [КСГРС]. Данное обозначение, очевидно, представляет собой фонетический вариант лексемы **оброчнь*. Несмотря на то, что трансформация *чн > сн* обнаруживается в единичных фиксациях немногих слов (например, *горчисник* 'горчичник', *носной* 'ночной', *конесно* 'конечно', *пшенисной* 'пшеничный', *молосный* 'молочный'), она получает распространение на обширной территории, в том числе и в Вологодской области¹⁶. По структуре *оброснь* является деадъективом (*оброснь* < общенар. *оброчный* 'сбор, взимаемый за отданную в наем землю или имущество' [ССРЛЯ 8, 403]). Подобные образования имеют место в русском языке и, как правило, оказываются востребованными в разго-

¹⁵ Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000. С. 71.

¹⁶ См.: Бурова Е. Г. К вопросу о сочетании *чн* в русских говорах // Русские говоры. М., 1975. С. 127.

ворной речи, ср. *огнеупор* 'огнеупорный материал', *факультатив*, *мемориал*¹⁷.

Таким образом, рассматриваемый термин *оброснь* первоначально, очевидно, закреплялся за земельными участками, которые по характеру пользования были оброчными, т. е. сдавались под оброк.

Номинативная модель *участок пашни по характеру пользования*, выделяемая в обозначении *оброснь*, обнаруживается и в других севернорусских терминах полеводства, ср. *празга* 'арендуемый участок земли' (арх.) [СРНГ 31, 62] < *празга* 'аренда, наем чего-либо' (арх.) [СРНГ 31, 62], *казенка* 'общественная земля' [КСГРС] < общенар. *казенный* 'относящийся к государственной казне, принадлежащий ей; государственный' [ССРЛЯ 5, 666].

Другой пример дестимологизации термина под влиянием фонетического фактора – полеводческое обозначение *пятище* 'участок земли (пахотной или сенокосной), которым владеют несколько хозяев' [КСГРС], отмеченное в Пинежском районе Архангельской области.

Данный термин, по всей видимости, генетически связан с лексемой *печище* 'земельный надел, принадлежащий деревне' [СРНГ 27, 6], также известной в пинежских говорах. Исследователи отмечают, что для этих говоров характерно особое произношение аффрикат и безударных гласных неверхнего подъема. Так, при мягком цоканье здесь наблюдаются случаи утраты фрикативного элемента у мягкого *ц*: на месте аффрикаты произносится согласный типа *т*, например, *птитька* 'птичка', *нитево* 'ничего', *тясто* 'часто'¹⁸. Специфичным оказывается произношение *е* в предударных слогах: иногда на его месте выступает *а* (*яхидной*, *непосядуха* 'непоседа', *сякономить*)¹⁹.

Таким образом, полеводческое обозначение *пятище* номинирует объект не по отношению к целому, ср. номинации *треть* 'земельный надел' [КСГРС], *четверть* 'земельный надел' [КСГРС], а в связи с другим географическим объектом – *печищем* 'деревней' (арх.) [СРНГ 27, 6].

Аналогичная номинативная модель *участок пашни / покоса по виду географического объекта, созданного в результате хозяйственной деятельности человека* находит отражение в терминах *дворище* 'расчищенное в лесу место' (влг.) [СРНГ 7, 299] < общенар. *двор* 'изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными пристройками' [ССРЛЯ 3, 593], *дорожница* 'полоса поля / покоса, примыкающая к дороге' [КСГРС] < общенар. *дорога* 'полоса земли, служащая для езды и ходьбы' [ССРЛЯ 3, 1004].

¹⁷ См.: Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 225–226.

¹⁸ См.: Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: Л., 1949. Т. 1. С. 29.

¹⁹ См.: Симица Г. Я. Пинежский говор. Калининград, 1976. С. 56.

На достоверность связи слова *пятище* с лексемой *печище* указывают и контексты его употребления: *Пятище большое, не одна семья пользовала; Кто бедный, дак просится в чужое пятищю; Одно острожье ставят, дак пятище хозяев двадцать.*

Внутренняя форма термина *брашенье* 'вспаханная нива' [Куликовский, 6] также требует пояснения. Объяснение данного слова как метафоры на базе ст.-слав. *брашьно* 'пища' вызывает сомнение²⁰. Исследование полеводческой терминологии в говорах Русского Севера показывает, что при метафорической номинации объект – поле / покос – воспринимается визуально через свою форму или размер, ср. *ремень* 'длинный и узкий земельный надел' [КСГРС], *портки* 'поле, в которое врезается лес' [КСГРС], *ленесток* 'небольшой участок земли' [КСГРС] < *ленесток* 'лоскуток, кусочек (ткани, кожи и т. п.)' (влг.) [СРНГ 16, 361]. Метафорический перенос *продукт деятельности* → *сельскохозяйственное угодье* не находит отражения в массиве севернорусских полеводческих терминов. Со структурной точки зрения *брашенье* тоже не может быть дериватом лексемы *брашьно*.

Мотивация данного обозначения не проявляется и при его сопоставлении с диал. *брашивать* 'бросать' [АОС 2, 111].

В структуре рассматриваемого термина выделяется суффикс *-енj-*. По наблюдениям лексикологов, образования на *-нье* обнаруживают продуктивность в русских говорах и, возможно, развиваются независимо от церковнославянского языка²¹. Существительные подобной структуры называют не только абстрактные явления и понятия (*позоренье* 'мученье' (арх.) [СРНГ 28, 337], *виденье* 'вид' (самар.) [СРНГ 4, 274]), но и конкретные объекты (*завладанье* 'грибное или ягодное место, принадлежащее тому, кто нашел его первым' (сарат.) [СРНГ 9, 321], *паренье* 'паровое поле' [СВГ 7, 9], *чищенье* 'лесная расчистка под пашню / покос' [КСГРС]).

Как видно, рассматриваемые номинации являются отглагольными образованиями. Термин *брашенье*, скорее всего, также представляет собой девербатив.

В русских народных говорах нередко встречаются слова с неполногласием. В одних случаях через церковное богослужение и старинную письменность они проникали в говоры из русского письменного или церковнославянского языков, в других – возникали на русской диалектной почве (*младень* 'младенец' (арх., влг.) [СРНГ 18, 182], *зандраться* 'понравиться' (арх.) [СРНГ 10, 276] и др.). Наряду с экспрессивной лек-

²⁰ См.: *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. ЛГУ, 1967. С. 231.

²¹ См.: *Симина Г. Я.* Пинежский говор. С. 27.

сикой в группе лексем с неполногласием отмечены номинации реалий и объектов деревенского быта и хозяйства, ср. *главевеище* 'рукоятка граблей' (влг.) [СРНГ 6, 177], *завадаанье* 'грибное или ягодное место, принадлежащее тому, кто нашел его первым' (сарат.), *праздница* 'группа деревень, празднующая определенный престольный праздник' (новг.)²². Термин *брашенье* также рассматривают в ряду лексем с неполногласием²³.

Первоначально это полеводческое обозначение могло иметь иной фонематический облик – **врашенье* с начальным *в*. Мена *в / б* зафиксирована в различных говорах, в том числе и в говорах Русского Севера, ср. *вражда / бражда*²⁴, *побыток* 'земельный надел' (влг.) [СРГК 4, 574] (показательно, что последняя лексема распространена в том же ареале (вытегорских говорах), что и обозначение *брашенье*).

Все вышесказанное позволяет предположить, что термин *брашенье* образован от глагола *ворошить* (**врашить* в неполногласном варианте). С точки зрения семантики сближение *брашенье* с общенародным *ворошить* 'переворачивать, шевелить, разгребать (о сене)' [ССРЛЯ 2, 687] оправданно: операции по ворошению сена, частично состоящие в его переворачивании, сходны с процессом вспашки земли. Данные памятников письменности показывают, что глагол *ворошить* не всегда имел специализированный план содержания и мог обозначать действия по переворачиванию чего-либо вообще, ср. *ворошители* 'переворачивать, передвигать; трогать' [СРЯ XI–XVII 3, 37].

Следовательно, мотивировочный признак термина *брашенье* совпадает с его значением, иными словами, с позиции внутренней формы данное наименование можно интерпретировать как 'вспаханный участок земли'.

Внутренняя форма полеводческого обозначения *выклевка* 'покос на вырубке' [КСГРС] поясняется при установлении закономерности чередования *т / к*, выявленной П. И. Тулутовым для севернорусских топонимов *Тлиль* (< *тлиль* 'пашня, разработанная в лесу' [КСГРС]) – *Клиль*²⁵ и наблюдающейся среди апеллятивов (в Междуреченском районе Вологодской области – месте фиксации термина *выклевка* – отмечено обозначение *вытлевка* 'участок земли, расчищенный корчеванием, сжиганием пней' [КСГРС]). Учитывая происхождение термина *выклевка*, свя-

²² Порохова О. Г. О лексике с неполногласием русского диалектного происхождения // Вопр. языкознания. 1980. № 5. С. 77.

²³ См.: Там же.

²⁴ Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопр. русского языкознания. М., 1997. С. 176.

²⁵ См.: Тулутов П. И. Термин *тлиль* (*клиль*) на Русском Севере // Вопр. топониматики. Свердловск, 1972. Вып. 6. С. 120.

занного с общенародным *тлеть* 'разлагаться, гнить' [ССРЛЯ 15, 504], можно сделать вывод о том, что под этой лексемой понимался расчищенный в лесу под пашню / покос участок с тлеющими корнями деревьев, пней (ни те, ни другие не препятствовали засеву и забораниванию подсеки и разрушались, *тлели*, естественным путем²⁶).

Иногда внутренняя форма наименования «затухает» вследствие отсутствия у него мотивированности, т. е. выраженной на уровне семантики связи с производящим словом. Одной из причин немотивированности лексической единицы является утрата у мотиванта специализированного значения. Лишь его реконструкция позволяет прояснить, какой признак номинируемого объекта был положен в основу диалектного слова.

Так, под термином *теска́* 'земельный надел' [КСГРС] первоначально, очевидно, подразумевался 'участок земли, полученный в результате раздела поля на части'. Сделать подобный вывод помогает факт установления связанности лексемы *теска́* с общенародным глаголом *тесать* 'рубя вдоль дерева, снимать поверхностный слой' [ССРЛЯ 15, 382]. Со словообразовательной точки зрения эта связь не вызывает сомнения: выделяемая в термине *теска́* структура – основа глагола + суффикс -к- – обнаруживается и в других словах-девербативах, ср. диал. *корчевка* 'расчищенный под пашню участок леса' [КСГРС] < общенар. *корчевать* 'выкапывать, выдирать из земли (пни или деревья) с корнями' [ССРЛЯ 5, 1480], диал. *гойка* 'расчистка под пашню / покос' [КСГРС] < диал. *гойть* 'расчищать поле, делать пригодным для пользования' [СВГ 1, 97].

Ударение на финали – *теска́* – не характерно для подобных образований²⁷. По всей видимости, оно формируется под влиянием слов с ударной финалью, таких, в частности, как общенародные *мольба*, *городьба*, *целина*, *новина́*, диалектное *дерба́* 'лесная расчистка под пашню / покос' [КСГРС].

Эксплицировать связь лексемы *теска́* с глаголом *тесать* на уровне семантики удастся благодаря реконструкции его полеводческого значения 'разрубать землю на наделы'.

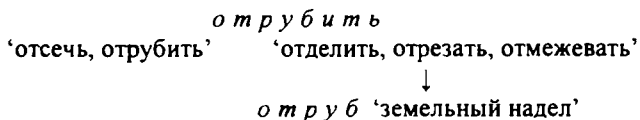
По замечанию М. М. Покровского, «слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую судьбу»²⁸. Данные памятников письменности показывают, что в семантической парадигме глагола *отрубить*, входящего вместе с *тесать* в круг обозначений действий по отделению части чего-либо от целого, выделялись значения 'отсечь, отрубить' и 'отделить, отрезать, отмежевать (надел, угодые)'

²⁶ См. об этом: Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968. С. 66.

²⁷ См.: Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 160–161.

²⁸ Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 80.

[СРЯ XI–XVII 14, 22]. Кроме того, среди лексем-derivатов глагола *отрубить* обнаруживается полеводческий термин *отруб* ‘обособленный участок, выделенный из каких-либо земель в чью-либо собственность’ [ССРЛЯ 8, 1583]. Схематически рассматриваемую часть словообразовательного гнезда глагола *отрубить* можно представить следующим образом:



Исходя из этой схемы, логично выделять в комплексе значений глагола *тесать* специализированный, полеводческий план содержания ‘разрубать землю на наделы’ и с позиции внутренней формы воспринимать его дериват – термин *теска́* ‘земельный надел’ – как номинацию того, что явилось результатом раздела целого (поля) на части.

Экстралингвистически появление данного наименования и подобных ему полеводческих терминов (*дел* ‘часть земельного надела’ (арх.) [СРНГ 7, 339], *нарезь* ‘участок земли’ [КСГРС] < общенар. *нарезать* ‘размежевывать, отводить (участок земли)’ [ССРЛЯ 7, 437]) было вызвано тем, что в условиях Русского Севера пашенные угодья время от времени подвергались переделам с целью «равномерного распределения податных тягостей»²⁹.

Мотивация термина *копейка* ‘полоса земли’ (арх., влг.)³⁰ тоже нуждается в прояснении. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к парадигме значений полеводческого обозначения *выть*, также известного на Русском Севере. По говорам лексема *выть* номинирует ‘участок земли’ [КСГРС]. В памятниках письменности она употребляется в значении ‘участок земли определенного размера, принятый за единицу налогообложения’ [СРЯ XI–XVII 3, 269].

По одной из этимологий *выть* ‘участок земли’ признается заимствованием из др.-сканд. **utí*, шв. диал. *utē* ‘подать, налог натурой’, *uta*, *uda* ‘уплатить’, дат. *ude* ‘производить, оплатить, поставлять’. Приведенная этимология считается вероятнее других ввиду ясного семантического развития, распространения слова *выть* только в русском языке [См.: Фасмер 1, 282].

Полеводческое значение, отмеченное у лексемы *выть* в говорах Русского Севера, может развиваться следующим образом: ‘подать’ →

²⁹ Ефименко А. Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. 1. С. 239.

³⁰ Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии. М., Л., 1936. С. 98.

‘участок земли, принятый за единицу налогообложения’ → ‘участок земли’.

В семантической парадигме термина *копейка* фиксируется значение ‘оброк’, иными словами, ‘подать’³¹. Это дает возможность предполагать, что развитие полеводческого значения у данного наименования происходило так же, как и у лексики *выть*, и восстанавливать для него семему ‘участок земли, принятый за единицу налогообложения’. Тогда, вероятно, в термине *копейка* первоначально актуализировалась способность номинируемого им объекта быть эталонной мерой земли.

Значение производящей лексики отдельных терминов удается реконструировать лишь гипотетически по однокоренным образованиям с «полеводческой» семантикой. Проиллюстрируем возможность подобной реконструкции на примере.

В вологодских говорах отмечен термин *повал* ‘вспаханное поле’ [СРГК 4, 575]. Общепонятные лексемы типа *привал*, *перевал*, *провал*, *отвал* указывают на отглагольность данного образования. Однако производящий глагол *повалить* в «полеводческом» значении в диалектном употреблении не зафиксирован. Вместе с тем в говорах Русского Севера известны однокоренные лексические единицы *на розвал* < *пахать на розвал* ‘пахать, откидывая на землю на две стороны’ [КСГРС], *на свал* < *пахать на свал* ‘пахать, откидывая землю на одну сторону’ [КСГРС], *вразвал* < *орать вразвал* ‘проходить косулей очередно борозды с краев загона, отваливая пласт к середине, отчего посредине загона остается неподнятая полоса’ (костр.) [Даль² 4, 16]. Эти лексические факты дают основание восстанавливать у глагола *повалить* значение ‘вспахать’. В пользу данной реконструкции свидетельствует также известное в русских говорах Карелии *повалить* ‘опрокинуть, перевернуть’ [СРНГ 27, 216], которое обозначает действие, отражающее в целом сущность процесса пахоты, состоящую в подрезании и переворачивании пласта земли.

Таким образом, термин *повал* на уровне внутренней формы можно охарактеризовать как номинацию вспаханного поля.

Думается, что семантику мотиванта диалектной лексики можно реконструировать также путем выявления общих элементов (сем) в его значениях по говорам территориально близких регионов.

В говорах Русского Севера отмечен термин *творило* ‘небольшой угловой участок земли при разделе поля на полосы’ [КСГРС]. Представляется, что в семантической парадигме лексики *творило* это значение непосредственно связано с семемой ‘входное отверстие’. Лексема *творило* в значении ‘входное отверстие’ на изучаемой территории не зафиксирована, но, очевидно, она потенциально возможна. На это ука-

³¹ Там же.

зывают следующие диалектные факты: *творило* 'входное отверстие ловушки на рыбу' [КСГРС], *творило* 'лаз в подполье; погреб' (яросл.) [Даль² 4, 395], *творило* 'отверстие в специальном помещении, приспособленное для хранения овощей' [СГСРПО, 626].

В свете этих данных полеводческое обозначение *творило* может быть понято как 'надел земли, занимающий по отношению к другим участкам на поле начальное положение'.

Термин *творило* существует наряду с такими лексемами, как *головуха* 'полоса в поле у края дороги поперек всех полос' [КСГРС] < общенар. *головной* 'находящийся в верхней, передней или начальной части чего-либо' [ССРЛЯ 3, 222], *кон* 'полоса в поле – первая от межи' [КСГРС] < диал. *кон* 'начало' [СРНГ 14, 242] и реализует номинативную модель *участок земли по месту относительно других участков (на поле, покосе)*.

С. А. Толстик
Томск

История формирования концепта 'худой' в русских народных говорах

Слова, характеризующие человека с разных сторон, составляют огромный лексический пласт в русских народных говорах. В своей статье мы обращаемся к диалектным прилагательным со значением 'худой', характеризующим телосложение человека, с целью проследить процесс формирования концепта худобы в народном (диалектном) языковом сознании. Для этого необходимо охарактеризовать историю диалектных прилагательных с семантикой худобы, выяснить, какие признаки легли в основу этих лексем. Вопрос о путях и времени формирования слов является сложным ввиду ограниченности сведений о народной речи в памятниках письменности.

В современной русской диалектной системе отмечается намного больше прилагательных с исследуемой нами семантикой, чем в предыдущие этапы развития языка (около ста единиц). Возможно, данное явление следует объяснить стремительным развитием диалектной лексикографии с XIX в. Общерусскими, т. е. присутствующими как в литературном языке, так и в диалектах, являются следующие слова со значением 'худой': *жилистый*, *костливый*, *поджаристый*, *сухой*, *тонкий*, *тощий*, *тщедушный* (диал. вариант – *щадущный*), *худой*. *Костливый* и *поджаристый* в словарях русского литературного языка фиксируются с пометой «разговорное» [СРЯ² 3, 187; ССРЛЯ 10, 357].

Наличие большого числа единиц с семантикой худобы можно пояснять тем, что говоры представляют собой разносистемное явление,